

Александр Сороковик

Старый дом

Старый дом придется продавать, это однозначно. Последние два года любой разговор с детьми начинался и заканчивался этой темой. Сын с дочерью уже все давно определили и разделили: большая часть достается Анатолию, он обменивает свою двухкомнатную квартиру на четырехкомнатную, забирает к себе отца и досматривает его. Дочь Татьяна свою долю вкладывает в расширение совместного с мужем бизнеса, жилищный вопрос их пока не волнует. В эти радужные планы не вписывалась только одна досадная загвоздка: их отец, дед Михалыч, как его все называли, продавать дом категорически не хотел.

Строго говоря, это был не дом, а дача. Добротная постройка начала 1950-х годов состояла из двух больших комнат и примыкающей к ним летней кухни, вокруг которой располагался ухоженный сад, огород, различные сарайчики. За домом Иван Михалыч тоже ухаживал, ремонтировал, ежегодно по старинке белил известкой.

Газ в дом не провел, готовил непритворливую еду на электроплитке, зимой топил печку, водопроводный кран был только во дворе. В общем, все здесь как бы застыло в 1960-х, когда молодой Ваня жил в этом доме еще со своими родителями. В те годы это была окраина города, курортное место для отдыхающих, заполненное дачным народом в летний сезон и пустеющее зимой. Однако с середины 90-х на месте небольших дачных домиков стали вырастать двух-, а то и трехэтажные особняки городской элиты, да и просто крутых авторитетов. Простых хозяев, живших, как дед Михалыч, в старых домиках, становилось все меньше. С каждым годом земля дорожала, район становился одним из самых престижных в городе. Те, кто не мог построить дорогой

особняк, под давлением богачей продавали свою землю и покупали удобные городские квартиры с газом, центральным отоплением, горячей водой, непрерывным шумом, загазованным воздухом и прочими радостями прогресса.

Сегодня дед Михалыч ждал в гости сына с семьей. Он замариновал мяса для шашлыка, наловил и нажарил бычков. На огороде дожидались крупные натуральные, без химии, помидоры и огурцы, а в погребе банки с домашним вином и соком для детей. Однако вечером Толя приехал один и, пряча глаза, бубнил, что его Лариса занята на работе, у детей какие-то свои дела, а он вот вырвался на часок посидеть с отцом, даже машину не брал, чтоб вина выпить. Да и поговорить надо... Михалыч устало махнул рукой и побрел в погреб за вином. Он понял, что все бесполезно, дети не отстанут от него.

Никогда ни Толя, ни Таня не любили этот дом. Они родились в городской квартире, которую получила жена Михалыча Люся на своем заводе. Ваня с Люсей обитали в ней зимой, а в конце весны перебирались сюда и жили до осени. Ходили на море, копались в огороде, крутили на зиму под руководством Ваниной мамы компоты и соленья. Наверное, это было лучшее время в их жизни. Потом дети начали взрослеть и постепенно охладевать к их старому дому. То у них были занятия в школе, то летние школьные лагеря, а попозже поездки за город с компанией сверстников. Патриархальная дачная жизнь с родителями в доме без удобств их уже не прельщала. Да и Люся все чаще оставалась летом в городе – за детьми надо присмотреть, накормить, проследить; ну и вообще, в квартире комфортнее... Постепенно они так и стали жить: он на даче круглый год, а дети с женой в городе.

Дети выросли, обзавелись своими семьями. Один за другим ушли его родители, а затем умерла и Люся, сгорев от онкологии за три месяца; потом началась перестройка. Дед Михалыч гордился тем, что в этой смуте его чада не сгнули, сумели приспособиться. Толя после разных передряг пробился на руководящую должность небольшого, но процветающего предприятия, жена его была главбухом в крупной торговой фирме. Таня с мужем начинали с «челноков», а сейчас имели на крупнейшем оптовом рынке три магазина и жаждали расширяться дальше.

Но если дети его еще как-то бывали на даче, то внуки не понимали такую жизнь в принципе. Несколько раз они приезжали к деду, но почти сразу начинали рваться назад. Это было уже поколение Интернета, виртуального общения, спутникового телевидения, выросшее на импортных йогуртах, кока-коле, чипсах. Они совершенно не воспринимали деда с его дачей, огородом, помидорами с грядки, грушами с дерева. А ведь он так мечтал, что летом с внуками будет жить на даче, ходить на море, ловить бычков. Пустые мечты... Все обитатели этого курортного места на море не ходили. Они ездили отдыхать на пляжи в Египет, Турцию, а то и в Европу. И зачем тогда покупать дом на берегу моря?

Михалыч сидел с Толей уже второй час, устало выслушивая в сотый раз о прелести жизни в городской квартире на 19-м этаже, с дрожью вспоминая, как ему однажды пришлось три дня прожить у сына, как страшно было смотреть в окно, как ночью во дворе все время орала автомобильная сигнализация, соревнуясь в громкости с эстрадными воплями, как соседи справа за стеной громко ругались, а над головой топали соседи сверху...

Он остановил сына, подумал еще немного, словно отдаляя миг, после которого уже не будет хода назад, и вяло сказал:

– Ладно, добавил, продавайте дом. Только учтите, говорю сразу и бесповоротно – в твоём муравейнике я жить не буду!

– Как не будешь? – Толик сразу подобрался, посмотрел на отца недоверчиво. – Почему? Тебе же трудно одному, без удобств! А там у Лариски всегда обед приготовлен, ванна с горячей водой...

– Знаю я Лариски твоей обеда. Что там она приготовит, если весь день на работе? Пельмени из магазина? Или химию быстрого приготовления? Извини, сынок, но я привык к здоровой пище, к морскому воздуху, к тишине. Правда, тут у меня в последнее время с тишиной тоже проблемы, да и здоровой пищи все меньше, но все равно не сравнить с вашим скворечником...

– Папа, ну как же так? Я ведь хочу как лучше, чтоб ребятам по отдельной комнате, тебе тоже, досмотрим, как полагается...

– Меня, Толя, досматривать надо только в твоих хоромах, там я загнусь очень скоро... А на вольном воздухе еще долго проживу, и здоров буду. Что касается ребят, то им по комнате можно устроить и в «трешке». В общем, так, сынок! Сам запомни и сестре пере-

дай. Продавайте дом как хотите, тут ваша взяла. Но из тех денег я возьму ровно столько, чтобы купить себе домик за городом, переехать туда, ну там, устроиться на первых порах. Не бойся, я дорогй дом брать не буду, куплю вдали от города, лишь бы у моря. Гостить вы все равно у меня часто не будете, а пару раз в год и так приедете.

Анатолий хотел что-то возразить, но Михалыч поднялся и внятно сказал:

– Все, сынок, разговор закончен! Иначе никакой продажи вообще не будет! – он пошел к дому, давая понять, что вопрос исчерпан.

На следующий день примчалась Татьяна, тоже пыталась уговорить отца и получила такой же ответ. Больше они к этой теме не возвращались, зная его упертый характер. И то спасибо, что вообще согласился продавать!

Следующая неделя прошла спокойно, а потом начался шквал звонков – звонили покупатели, посредники, какие-то вообще непонятные личности. Задавали множество вопросов, требовали снизить цену, предлагали варианты обмена, уговаривали его после продажи вложить деньги в «абсолютно беспроигрышное дело», с тем чтобы через три месяца удвоить их. Как оказалось, Толя во всех объявлениях о продаже указал кроме своего еще и его телефон. Михалыч выбросил из телефона карту, купил и вставил новую. Позвонил Толику и вдрызг с ним разругался; тот оправдывался, что сам не ожидал такого. В конце концов постановили, что все предварительные переговоры будут вести Толя или Таня, а Михалычу придется только принимать гостей, для того чтобы показывать дом.

– И учтите, – добавил он, – все разговоры за цену ведите сами, мне все равно. Я свою долю забираю по-любому, а вы делите как знаете.

– Папа, а может, еще передумаешь? С покупкой-то...

– Все, закрыли тему, – Михалыч поднял руку и как бы отмахнул его от себя.

Теперь стало поспокойнее. Звонили только договариваться о просмотре. Он никому не отказывал, показывал свой дом всем желающим, отвечал на вопросы о соседях, однако обо всех прочих делах отсылал говорить к детям.

Наступала осень... Михалыч с тоской смотрел на свой дом, на сад, полный спелых плодов, на грядки с помидорами, на ряды клубничной рассады. Каждый год повторялось одно и то же: овощи и фрукты созревали, радовали глаз, но никому не были нужны. Он звонил детям: «Приедьте, заберите, внуков угостите».

– Да-да, конечно, может, к концу недели, сейчас много работы, ой, а на выходных мы обещали к Пашке с Ленкой на шашлыки...

– Так ведь шашлыки и у меня можно сделать, приезжайте с детьми, фруктов поедите, на море сходим...

– Ну, может, через выходные, а то друзья все-таки, мы обещали...

А через выходные у Ларисы начинался квартальный отчет, а потом у внуков поездка куда-то, а Танька с мужем вообще жили на своем рынке... Как-то в минуту откровенности Толик все ему объяснил:

– Ты, папа, остался в середине 20-го века, а у нас сейчас 21-й. Темп жизни уже не тот! Мне сейчас проще купить кило тех же помидор в магазине по дороге домой...

– Да разве можно сравнивать! В тех помидорах уже нет ничего, химия одна! Да и деньги-то зачем тратить? – обиделся Михалыч.

– Да какие там деньги, папа? Я, слава Богу, хорошо зарабатываю, чтоб такие крохи не считать... – Толик хотел добавить, что к отцу нельзя заскочить как в магазин на три минуты, а надо посидеть, поговорить, неспешно попить чаю за столиком под вишней, вспомнить какие-то забавные истории из своего детства, которые происходили в этом доме; просто помолчать, вдыхая вечернюю прохладу летнего воздуха, а потом завернуться в одеяло, улечься на старую панцирную кровать на открытой веранде и уснуть под стрекотание кузнечиков, под мягкий свет дивных южных звезд... нет, нет, Толик потрянул головой – ты пойми, сейчас, чтобы заработать приличные деньги, надо как белка в колесе... с утра до вечера... света белого не вижу...

Михалыч уныло кивал и уже без особой надежды предлагал:

– Ты хоть осенью, раз в год приедь, закрутки возьми... ведь вон, полный погреб...

– Ну, осенью... да-да, может, приеду, пару банок заберу...

...И слышал дед Михалыч невысказанные мысли сына, что не нужны ни ему, ни сестре, ни их детям его компоты и соленья, что внуки пьют в школе вредную газировку, едят дома «разносолы» из супер-

маркета, и никто не хочет возиться с дедовыми закрутками, да и с самим дедом, старым, неторопливым, напрочь отставшим от жизни...

Кому теперь достанется его дом, сад, огород? Покупатели приходили все больше быковатые, «чисто конкретные», а ему так хотелось, чтобы старый дом купила какая-нибудь большая семья с детьми, он бы и закрутки все им оставил...

И наступил дождливый осенний день, когда Толик объявил, что с покупателем все договорено, в цене сошлись, подписание документов – через месяц. Пора отцу думать о переезде.

– Ты, папа, взвесь все хорошенько, – суетилась около него Таня, – у Толика тебе было бы лучше, там и уход, и вода горячая...

– Все, хватит, – он сморщился, замахал руками, – не трогайте меня...

В ближайшее воскресенье дед Михалыч на пригородном автобусе поехал в давно облюбованное место: небольшое село на берегу моря – час езды от города. Было начало октября, погода стояла дождливая, ветер гнал вдоль дороги мокрые пожелтевшие листья, обрывки бумаги, прочий мусор. Море накатывалось на скалистый берег, оставляя лопающиеся пузыри грязной пены. Пляж среди скал был неудобным, спуск к нему крутым и долгим, путь из города неблизким, поэтому село избежало наплыва курортников, и никто из «крутых» свои дома здесь не строил.

Он зашел в небольшой магазинчик в центре села с полуоткрытой верандой-баром, заметил за столиком двоих мужиков своего возраста, явно местных жителей, обычных дедов, любящих в выходной день посидеть за кружкой пива, но и не алкашей. Взял себе пива, попросил разрешения присесть. Разговорились. Дед Михалыч заказал для всех еще по кружке, рассказал про то, что хочет купить здесь домик, и через полчаса имел всю нужную информацию.

– Тебе, Михалыч, определенно к тетке Нине нужно, – степенно говорил старший собеседник, неторопливый Николай Степанович, – у нее дом и небольшой, как ты хочешь, и ухоженный, и близко к морю.

– А чего ж она продает его? В город захотелось?

– Да какой там захотелось! Ей в городе больше чем на раскладушку в кухне рассчитывать нечего! Да и ту у чужих людей...

– Как, у чужих? – удивился Михалыч.

– А так, – разгорячился второй собеседник, суетливый плюгавый Миша, – зять ее на заработки уехал, стало быть, в Россию. И так ему там понравилось, что и жену, Нинкину дочку, и Петьку, внука ее, к себе вызвал. А квартиру нашу, Нинке наказал, сдавай, стало быть, и деньги нам высылай. Ну, она и сдавала...

– И досдавалась, блин... – прервал Мишу Николай Степанович, – приехала осенью в том году, а там уже мебель выносят... В общем, чуть не отобрали у них жилье; хорошо, зять вовремя примчался, успел этих аферистов перехватить, отстоял квартиру. Теперь сдает через агентство, а Нинке счет выставил – сколько здесь заплатил, да сколько там потерял, пока сюда мотался... «Я, говорит, свой бизнес хотел открыть, а теперь что? Так что вы, мамаша, дом свой продавайте, а мы когда на ноги станем, вас к себе заберем»...

– Ага, заберут они! – взвился неугомонный Миша. – На кой она им там нужна!

– Нинка ведь не о том переживает, как она без угла останется, а о том, как Петеньке некуда летом будет приехать, клубнички свежей покушать...

– А Петенька, здоровый, стало быть, лоб, бабке не написал даже ни разу, привета не передал...

Было уже далеко за полдень, когда дед Михалыч постучался в калитку к тетке Нине. Она оказалась невысокой опрятной женщиной с доброй, немного растерянной улыбкой. Домик был ей под стать: небольшой, ухоженный, с аккуратным огородиком. Правда, опытный взгляд Михалыча сразу определил нехватку мужских рук: плохо заделанную дыру в заборе, расшатанные половицы, слегка протекшую крышу. Он повернулся к хозяйке:

– Хороший дом, мне нравится. Дорого просите?

– А вы серьезно покупать хотите или так, интересуетесь?

– Да уж куда серьезней, мне через месяц свой дом освободить надо...

– А зачем же дом на дом меняете?

– Ну, детям помочь надо. Дом-то у меня в городе...

– И мне дочери надо помочь, – усмехнулась Нина, – так что не обессудьте.

Она назвала цену, довольно высокую, но Михалыч лишь кивнул.

– Только я должен сразу после оформления въехать, мне там на пятки наступают... – смущенно добавил он. – Вы как... сможете выехать? Есть куда?

– Когда надо – тогда и съеду, – спокойно ответила Нина.

Они обменялись телефонами, и Михалыч уехал. На душе было беспокойно. Ему понравились и дом, и его хозяйка. И что же теперь, выгонять ее на улицу?

Он позвонил Толику, сказал, что нашел себе новое жилище. Сын выспросил все подробности: где, что да почему; сердито пыхнул и попросил его завтра быть дома – они с Таней приедут, привезут покупателя с родней для окончательной утряски всех вопросов.

Назавтра прикатили целым табором: Толик с Ларисой, Таня и покупатели. Кроме быковатого средних лет мужика, которого дед Михалыч помнил, прибыла и его свита: жена, молодая сухопарая блондинка в кольцах и серьгах, и дочка – юное длинноногое жующее создание в мини-юбке и плащике под леопарда, очень хорошенькое, если бы не слой дикой косметики.

– Вау, какие яблоки прикольные! – восхитилась она. – Можно?

– Конечно, можно! – он сорвал самое красивое яблоко, протянул девушке.

Та очень мило улыбнулась и с хрустом откусила здоровый кусок. Михалыч воспрянул – может, несмотря на свою быковатость, этот тип сбережет его дом? Ну, перестроить, удобства провести, это понятно; огород тоже – кто с ним возиться будет? Но сад – пусть себе растет... Он подошел ближе – мужик говорил с супругой, показывал куда-то в угол, где росла груша.

– Это зимняя, поздняя, – он неуверенно улыбнулся, – а вон там – ранние яблони, они ухода особого не требуют...

Мужик скользнул по нему непонимающим взглядом, продолжая свой разговор. Дед Михалыч услышал обрывок фразы: «Бульдозер сюда не заедет, придется работяг нанимать...» – и пошел дальше, уже не пытаясь завязать беседу.

– Вы папеньке все это даже не рассказывайте, – услышал он за спиной звонкий голосок их молоденькой дочери. Она смотрела на него безмятежным слегка сочувствующим взглядом, – он уже

тут все распланировал: дом, газон, двор в плитке, ну как у ваших соседей, – она махнула рукой в сторону забора.

– А как же сад, деревья? Ведь яблоки, груши... сливы... Неужели ему не надо?

– На фига оно ему? Мамашка тут цветуючки посадит экзотические, по триста баксов за стебель, чтоб знакомые, значит, от зависти сдохли.

– И тебе не надо? Ты же вроде любишь...

– А мне пофиг! – она улыбнулась вполне дружелюбно и пошла прочь.

Покупатели еще долго о чем-то спорили с Анатолием и Татьяной, решали какие-то вопросы, потом наконец уехали. Сын присел к столу, за которым неподвижно сидел Михалыч, и решительно начал:

– Вот что, папа! Как хочешь, но мы с сестрой категорически против твоей покупки. Где-то на задворках цивилизации, опять без удобств. Мы ведь, если что, даже приехать не сможем. Да еще и цену заломили! Это же выброшенные деньги. Мне теперь не расширяться толком, Таньке бизнес не развернуть!

Дед Михалыч поднял на сына угрюмый взгляд и медленно, веско сказал:

– Вот прямо сейчас позвоню этим твоим... скажу, что передумал и ничего продавать не собираюсь, и будете вы сами с ними разбираться: я никому ничего не обещал, переговоров не вел, и вообще, старый маразматик, что с меня взять? Смотри на них! Озаботились, что приехать не смогут! Вы сюда-то приезжали три раза в год, и ничего, не переживали. Хватит! Еще один намек и – не обессудьте, – он тяжело поднялся, пошел в дом.

Затихло вдали суетливое шуршание шин Толиного джипа. Михалычу не спалось. Все представлялась ему толпа «работяг» с ломami и лопатами, крушащих его дом и сад, закатывающих в асфальт огород вместе с помидорами и баклажанами... И только под утро его одолел тревожный неглубокий стариковский сон...

До переезда оставалась неделя. Он позвонил Нине, попросил разрешения приехать – «уточнить все детали». Стояли последние дни ясного, солнечного, прозрачного октября. Они с Ниной приехали на лавочке во дворе; не хотелось в такую погоду идти в дом.

– Ну, в общем... это, – он откашлялся, – через неделю мне въезжать надо, машина уже заказана...

– И въезжайте с Богом. Я все вещи свои заберу, калитка не закрывается, входная дверь тоже. Заходите и живите. Мурку мою только не обижайте, она мышей ловит...

– А вы куда? – он впервые напрямую спросил ее об этом.

– Куда-куда... Пока к соседке, потом на зиму к племяннице, а там, даст Бог, мои к себе заберут...

– Слушай, Нина! – он старался, чтобы «ты» было не фамильярным, а просто доверительным. – Заберут – не заберут, это вопрос неясный, да и когда еще это будет. Что же ты, станешь по чужим углам скитаться? Оставайся да и живи тут. Я в одной комнате, ты в другой. Друг дружку на старости поддержим...

– Как же это, – растерялась Нина, – зачем? Неудобно так... Что люди скажут?

И видел Михалыч, что очень не хочет она оставлять свой милый сердцу домик чужому человеку, хоть и доброму и хозяйственному, который не поломает ни одного деревца, не затопчет ни одного куста. Но в том-то и дело, что для него это будут просто деревья да кусты, а она знает их всех «в лицо», для нее это дети, выращенные, выхоженные, со своим характером и капризами...

– В общем, давай так, – он решительно поднялся, – будем считать, что ты у меня снимаешь комнату, а в оплату помогаешь освоиться с садом, ну и там... по хозяйству. Короче, в субботу я приезжаю, ты мне комнату освободи, а сама устраивайся в другой. И учти, я это на полном серьезе, не передумую!

Неделя подходила к концу. Последняя неделя старого дома. Михалыч собирал вещи, упаковывал их в коробки. С горечью смотрел на погреб, полный закруток. Для кого он старался? Неужели все это пропадет? Что с ними делать, забрать с собой? Но у Нины свой погреб полон...

В субботу с утра он уже был готов. Приехала машина, и шустрые молодые ребята за час погрузили все вещи. Дом сразу стал чужим, отстраненным, гулким.

– Ну что, отец, поехали? – весело спросил бригадир.

– Погодите, – Михалыча вдруг осенило, – там, в погребе, консервы всякие, я не увезу, так может, себе заберете? Просто так...

Ребята спустились в погреб и уже через пять минут кинулись ладить коробки и загружать их банками.

– Вот спасибо, батя! – наперебой галдели они. – Деткам отведем, жены спасибо скажут, а мы когда стопочку пропускать будем под ваши огурчики, за ваше здоровье – с радостью!

– А теперь, ребята, подождите меня в машине минут десять, – устало произнес Михалыч, когда погреб опустел, – перекурите там, пивка попейте, а я... скоро подойду.

Он встал посреди уже чужого двора. Погладил ствол старой, еще родителями посаженной яблони. Прошел по дорожкам, словно стараясь удержать в памяти все, чем жил последние тридцать лет и теперь оставлял на разрушение. Махнул рукой и побрел к воротам. У калитки сидел, растерянно озираясь, его полосатый кот Васька. Дед нагнулся, погладил его, спросил:

– Ну что, друг, поехали со мной?

Кот обиженно отвернулся, коротко мявкнул.

– Ну и не надо, – вдруг разозлился дед Михалыч, – конечно, коты к месту привыкают, зачем им за хозяином куда-то ехать...

Он дошел уже до машины, но вдруг резко развернулся и почти побежал назад. Схватил Ваську на руки, прижал к себе, забормотал:

– Что же ты, дурак, со своей гордыней! Тебя же тут в асфальт закатают вместе с огородом... – дед залез в кабину, не выпуская из рук кота.

– Давай, поехали! – крикнул он сердито.

Они едва успели разгрузиться и расставить вещи, как начался дождь. Михалыч рассчитался с ребятами, они уехали. Дождь стучал все сильнее, грохотал по жестяному тазу, забытому на улице, по крыше сарая, в угол которого забился напуганный переездом Васька, собиравшийся в лужицу, протекая с потолка в кухню. Они сидели с Ниной в своих комнатах, не зная, что говорить, как вести себя. Хозяин чужого, непонятного, неродного дома и та, которая знала его и любила, но не была уже в нем хозяйкой...

Дождь уныло и монотонно сеялся с мрачного неба, вздувался пузырями в лужах. Говорят, что такой дождь надолго...